

Ю. Слюсарь

Полководцы и военачальники суворовской школы — победители Бонапарта

Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров.
О горе, горе супостат!
То грозный наш Суворов!

В. А. Жуковский. 1812 г.

Создание выставочного проекта «Одесса и «гроза двенадцатого года» (2012) дало возможность представить общественности поистине уникальные экспонаты — картографические и изобразительные материалы, военные реликвии, книги, документы, памятные сувениры из собрания Одесского историко-краеведческого музея, Государственного архива Одесской области и приватных коллекций. Среди них привлекали внимание графические портреты и репродукции живописных работ знаменитых мастеров позапрошлого века, представляющие руководителей народных сил, одержавших победу в Отечественной войне 1812 г. Внимательное их рассмотрение и сопоставление судеб героев, слава которых прогремела на весь мир двести лет назад, позволили раскрыть тему, не заявленную в концепции выставки. Все эти военачальники и полководцы владели суворовской наукой побеждать.

Гений русского военного искусства А. В. Суворов распознал полководческий дар Наполеона еще на стадии становления. Он сравнивал Бонапарта с Юлием Цезарем и Ганнибалом¹. В знаменитом своем труде «Вахтпарад», один из списков которого находится в собрании музея и выставлен в постоянно действующей экспозиции, Александр Васильевич, предвидя неизбежность столкновения Российской империи с наполеоновской Францией, в нарочито упрощенной форме — поучение было обращено к простым воинам, но предназначалось для командиров — сформулировал основные принципы будущей войны: «Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки.

Они воюют на немцев и иных колоннами. Если бы нам случилось против них, то надоно нам их бить колоннами же»².

Суворов справедливо полагал, что противостояние в области духа будет заключаться в борении православной идеи преданности государю и Отечеству, с идеалами сынов постреволюционной Европы, представляющими собой причудливое сочетание религиозных постулатов, поколебленных атеистическими взглядами и антиклерикальными настроениями времен Великой Французской революции, с элементами языческого культа «божественного правителя», — подражание древнему Риму. Великий воитель понимал также, что успех в грядущих сражениях во многом определят качества национального характера русских солдат — стойкость и упорство, восторжествующие над скоропреходящими отвагой и задором французов. Новаторской тактике французской армии, заключающейся в быстрой атаке колонны, подкрепленной огнем стрелков — «роя», Суворов собирался противопоставить такие же, но более стремительные действия, с применением маневра. Уже планируя и осуществляя Итальянский, а затем Альпийский (Швейцарский) походы 1799 г., Александр Васильевич окончательно определил стратегию войны: тщательно подготовленное решительное наступление, скорое взятие либо обход крепостей, неожиданное для врага маневрирование и, как следствие, уничтожение его армий, с последующим броском на Париж.

В целях сохранения силы, Суворов не исключал и отход, но с непременным переходом

в наступление. «Быстрота и натиск — душа настоящей войны», — учил он³. В стесненных обстоятельствах осени 1799 г., Суворов вынужден был совершить стратегический маршманевр, а затем прорываться из окружения через заснеженные хребты и пики Альп на пределе душевных и физических возможностей, громя встречную вражью силу. Оправдался его расчет на боевые качества российских «чудо-богатырей», военное искусство и самопожертвование их командиров и начальников. Умирая на вершине славы, несмотря на опалу, Суворов потряс воображение современников, стал олицетворением победоносной силы русского оружия. Его образ вдохновлял на новые подвиги. Поэтому Василий Андреевич Жуковский, в читанном им в Тарутинском лагере сочинении «Певец во стане русских воинов» начинает перечень героев 1812 г. именно с Суворова. В поэтических строках последний определяется как «ръянный великан» (т. е. усердный, ревностный, пылкий на дело), у которого «страшны очи»⁴. Страшным, гибельным в буквальном смысле слов, для врага было его воинское искусство, воспринятое двумя поколениями сподвижников. Это были младшие товарищи, любимые ученики, и те, кто, сражаясь под началом полководца или рядом с ним, испытали влияние суворовского гения. Им и довелось, «не щадя живота своего», сокрушить наполеоновские полчища.

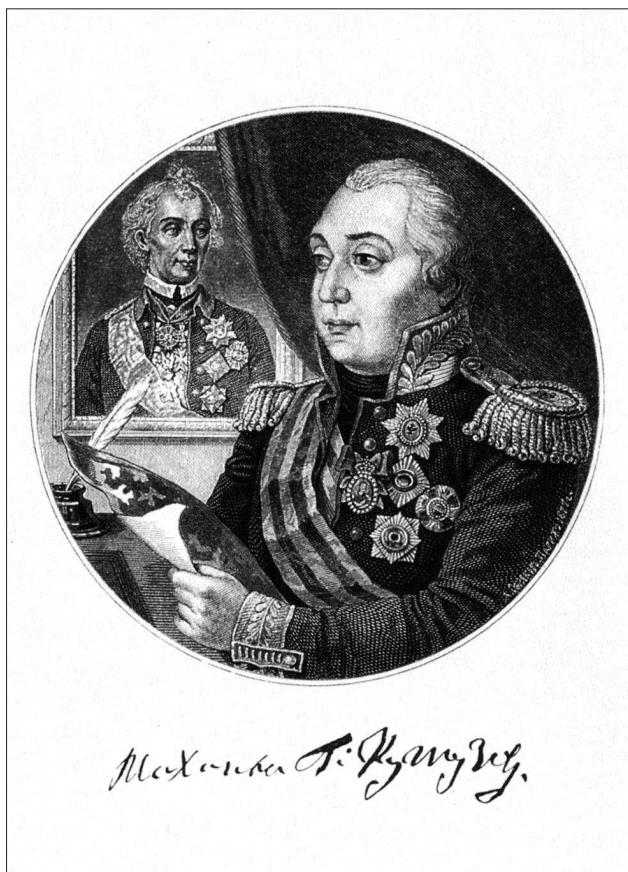
Остановимся на действиях тех из них, кого судьба связала с Причерноморским краем.

Светлейший князь Смоленский Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813), генерал-фельдмаршал, должен быть назван первым. Получив боевое крещение в 1764 г. в Польше, он, сражаясь под предводительством П. А. Румянцева, показал себя как

храбрый офицер, в 1772 г. под Алуштой со знаменем в руках повел батальон в атаку. Выжил после смертельного, как многим казалось, ранения. Встреча с Суворовым произошла в 1777 г., и на протяжении шести лет Кутузов ревностно служил, удивив своего начальника дипломатическими способностями, в переговорах с крымскими татарами, удостоился знаменитого: «Ой, хитер, ой умен...» Далее следовали отражение вылазки османцев из Очакова и новое тяжкое ранение, доблесть и одушевление воинов, выказанные под Измаилом. «Кутузов был на моем левом фланге и был моей правой рукой», — таков был отзыв Суворова о командире, сумевшем повести отступивших солдат на новый штурм и ворваться в город. Победа 1791 г. при Мачине, завершившая т. н. 2-ю русско-турецкую войну была достигнута благодаря удачным действиям корпуса Кутузова, который заявил о себе как тактик. Назначенный послом в Стамбул в 1793 г., Михаил Илларионович оказал услугу своему учителю и другу, трудившемуся над составлением стратегического плана новой войны,

угроза которой правящим кругам Российской империи казалось неотвратимой. Он сообщил о неспособности Османской империи вести наступательную войну, вследствие расстроенной экономики, финансов, войск и системы управления⁵. В 1798 г. Кутузов был послан в Берлин, для дипломатической подготовки коалиции против французов. Так он на практике столкнулся с нарождающейся империей Наполеона, предваряя своей деятельностью назначение в 1799 г. Суворова главнокомандующим союзными силами в Италии.

Опыт дипломатической борьбы и анализ Итальянской и Альпийской компаний 1799 г. легли в основу разработанного Кутузовым

плана войны 1805 г., носившего ярко выраженный наступательный характер: «Всяческая медлительность и нерешительность причинят совершенную гибель»⁶. Но в ходе войны ограниченный, как ранее Суворов, в принятии стратегических решений, М. И. Кутузов был вынужден совершить свой первый марш-маневр Браунау-Ольмюи и вырваться из окружения наполеоновскими войсками. Сходные обстоятельства, решения, судьбы!

Следующий знаменитый кутузовский маневр относится к заключительному этапу русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Михаил Илларионович, приняв командование Молдавской армией от А. Ф. де Ланжерона и пользуясь энергичной поддержкой и помощью последнего, разбив османцев в нескольких сражениях, уничтожением укреплений и притворным отступлением выманил войска Ахмед-паши на левый берег Дуная, окружил и принудил к капитуляции. В длительной дипломатической борьбе он вырвал у Оттоманской Порты Бухарестский мирный договор — за месяц до вторжения Наполеона!

В ходе боевых действий полководец придавал решающее значение атаке, вместе с тем обращаясь к командирам: «...главнейшее попечение Ваше рекомендую тратить на стрельбу в цель»⁷.

Назначенный Александром I, главнокомандующим российской армией, престарелый фельдмаршал уверенно руководил генеральным сражением при Бородино. Он предоставил полководцам и военачальникам, бывшим у него в подчинении, возможность проявить свои лучшие качества — в выборе поля битвы, возведении укреплений, руководстве войсками. В критические моменты Кутузов, лукаво используя психологический прием Суворова, играл на самолюбии высших офицеров, побуждал их к решимости и действию. К концу сражения стало ясно, что оправдался давний суворовский расчет — мужество и стойкость российских воинов превзошли отвагу и задор наполеоновского воинства.

Последовавшее затем оставление Москвы и Тарутинский марш-маневр (3-й) обрекли армию захватчиков на голодную гибель. М. И. Кутузов придавал большое значение недопущению неприятеля в южные районы империи. Об этом свидетельствует, в частности, его письмо к Херсонскому военному губернатору, управляющему гражданской частью Екатеринославской и Таврической губерний Э. И. де Ришелье⁸.

Неутомимо преследуя французов, старый фельдмаршал поднимал дух в войсках, обращаясь к образу своего великого учителя и друга: «Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить голод и холод, когда дело шло к победе и славе русского народа».

С началом заграничного похода 1813–1814 гг. Кутузов так видел его конечные цели: «Прекрасная Франция, сильная сама по себе, пусть займется внутренним своим благосостоянием. Покушения иноплеменников никогда не возмутят природных ее границ»⁹. Это вполне соответствует взглядам и делам его давнего товарища — еще с кровавого штурма Измаила — Ришелье, вскоре ставшего первым министром французского королевства. Деяния же самого М. И. Кутузова характеризует суворовское: «Неприятелю время давать не должно, пользоваться, сколько можно его малейшей ошибкой и брать его всегда со слабейшей стороны»¹⁰.

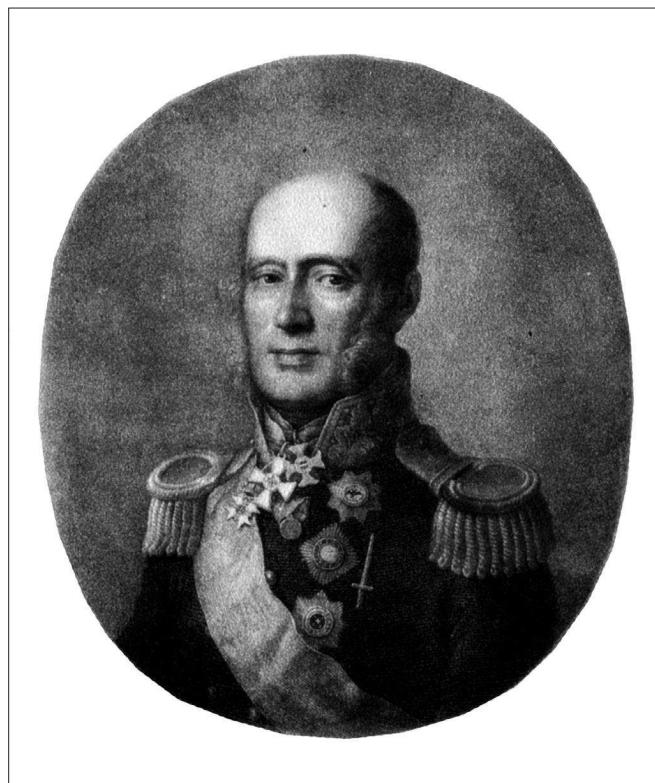
Князь Михаил Богданович (Михель-Андреас Вильгельм-Готторп) Барклай де Толли (1761–1818), генерал-фельдмаршал, по справедливости должен быть назван вместе с Кутузовым организатором, вдохновителем и активным участником разгрома наполеоновских полчищ.

Выходец из Прибалтики, потомок древнего шотландского рода, он был воспитан как российский патриот. Боевое крещение получил под Очаковым в 1788 г. в рядах воинов, отравивших вражью вылазку. Участвовал в штурме крепости. Бои под Очаковом дали молодому, вдумчивому офицеру возможность увидеть преимущества быстрого взятия укреплений — как предлагал А. В. Суворов, в сравнении с длительной осадой. Здесь же судьба свела его с казачьим офицером М. И. Платовым. В совместных боях под Каушанами и при взятии Аккермана в 1789 г. сложилось их долгое воинское товарищество. Взятие Вильно во время польской кампании 1794 г., явившееся прологом к знаменитому суворовскому штурму укреплений предместья Варшавы, потрясшему Европу, стало новой ступенью в становлении воинского искусства будущего полководца. Командуя егерским полком, Михаил Богданович показал себя заботливым командиром — отцом солдатам, действуя в стиле суворовской методики подготовки Сузdalского полка. Наградой Барклаю за отличное состояние вверенной ему части стало генеральское звание¹¹.

Звезда военачальника взошла в 1807 г. — храбрость и распорядительность в сражении при Прейсиш-Эйлау поставили его рядом с

любимцем армии П. И. Багратионом и привлекли внимание Александра I. Последовавшая затем русско-шведская война — 1808–1809 гг. выявила полководческий талант Барклая, ярким проявлением которого стал организованный и совершенный поход через ледяной Кваркен (узкое место Ботнического залива), во многом решивший исход кампании и так похожий на альпийский поход Суворова.

Должности главнокомандующего российскими силами, а затем генерал-губернатора Великого княжества Финляндского раскрыли также такие качества Михаила Богдановича, как военно-административный талант и дипломатические способности и предопределили его назначение в 1810 г. на пост военного министра Российской империи. Став министром, Барклай де Толли потратил все свои духовные и физические силы, все знания и боевой опыт на подготовку войны с Наполеоном, неизбежность которой была очевидна. Подписанные по его настоянию Александром I манифести о внеочередных рекрутских наборах, введение в развитие суворовской науки побеждать, систем и обучения новобранцев через рекрутское депо в короткие сроки увеличили российскую армию до 450 тысяч человек, повысили ее боеспособность. Военная реформа дала возможность ввести новую тактическую единицу — корпус и разработать методику его применения на поле брани. Составленные лично Барклаем «Наставление о смотре рекрутского депо» (1811), «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты для егерских полков и застрельщиков всей пехоты» (1818), написанные под его руководством «Учреждение военного министерства», «Учреждение для управления большой действующей армией» (1812) дают ос-

ктических наборах, введение в развитие суворовской науки побеждать, систем и обучения новобранцев через рекрутское депо в короткие сроки увеличили российскую армию до 450 тысяч человек, повысили ее боеспособность. Военная реформа дала возможность ввести новую тактическую единицу — корпус и разработать методику его применения на поле брани. Составленные лично Барклаем «Наставление о смотре рекрутского депо» (1811), «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты для егерских полков и застрельщиков всей пехоты» (1818), написанные под его руководством «Учреждение военного министерства», «Учреждение для управления большой действующей армией» (1812) дают ос-

нования считать его продолжателем дела Суворова¹².

Военный министр, по словам А. Ф. де Ланжерона, «...был человек весьма умный, образованный, деятельный, строгий, необыкновенно честный, а главное — замечательно знающий все мелочи жизни русской армии». Вполне суворовские качества!¹³

Еще в 1807 г. у Барклая сложилось представление о характере будущей войны, к 1812 г. оформившееся в доклад императору «О защите западных пределов России». Михаил Богданович полагал единственным возможным встретить армию вторжения на границах, опираясь на систему крепостей и военных лагерей, измотать ее в оборонительных боях и, заманив в глубину российской территории, нанести решительное поражение. Доклад был положен в основу стратегического плана, к разработке которого привлекались военные и статские деятели А. Аракчеев, Д. Волконский, Л. Волькоген, К. Пфуль, М. Сперанский. После обсуждения кругом близких к Александру I лиц, оборонительный стратегический план был высочайше ут-

вержен (см. в том числе статью А. И. Третьяка в настоящем «Вестнике»)¹⁴.

Деятельность М. Б. Барклая де Толли по устройству крепостей (Бобруйска, Динабурга, Печерска (Киев) и прочих) и военных лагерей сходна с действиями неутомимого А. В. Суворова по укреплению обороноспособности на юго-западных границах империи в 1792–1794/96 гг. Положение на юге, затянувшаяся война с Османской империей беспокоили ministra, он настаивал на скорейшем заключении мира.

С открытием военных действий в 1812 г. Барклай де Толли твердо и умело осуществлял стратегическое отступление. Обвинения в его адрес со стороны придворной камарильи, части

военачальников и офицерства, усугубленные сложными взаимоотношениями с П. И. Багратионом — ярым сторонником наступательной стратегии, невозможность использовать бездарно устроенный «военными специалистами» Дрисский укрепленный лагерь, не поколебали мужественного полководца. Его обращение к войсками было составлено в лучших традициях суворовского воинского слова — по стилю и содержанию: «Вам не нужно внушать о вере, о славе, о любви к государю и Отечеству своему, вы родились, вы взросли и вы умрете с сими блестательными чертами отличия вашего от всех народов». Отводя войска под натиском наполеоновских полчищ, Барклай дал приказ предводителю казаков М. И. Платову, старому своему товарищу, о привлечении крестьян к борьбе с малыми партиями французов: «Да будет каждый шаг злодея омыт его кровью!» Для партизанских действий в тылу врага было выделено пять кавалерийских полков под командованием барона Ф. Ф. Винценгероде, генерал-майора, участника итальянского похода Суворова¹⁵.

Замененный на посту главнокомандующего М. И. Кутузовым, М. И. Барклай де Толли своим поведением при Бородино посрамил клеветников и недоброжелателей. «Чугун дробил, но не поколебал груди русских, лично оживляемых присутствием Барклая-де-Толли. Вряд ли осталось в центре опасное место, где бы он не распоряжался, и где бы был полк, не ободренный словами и примером его», — вспоминал один из участников сражения¹⁶. Барклай де Толли на военном совете в Филях решительно выступил за оставление Москвы во имя сохранения армии и грядущего поражения супостата. Популярности в войсках и народе это ему не прибавило.

После отставки, вызванной крайним физическим и нервным истощением, в апреле 1813 г. Барклай де Толли вернулся в войска, возглавив 3-ю армию. Быстрое взятие Торна, во время которого отличились его подчиненные — А. Ф. де Ланжерон и И. В. Сабанеев, яростный бой под Баудецом, назначение главнокомандующим, после отставки П. Х. Витгенштейна, победа под Кульмом, битва народов под Лейпцигом, поход в пределы Франции и поражение неприятеля — вот заключительные вехи его военной карьеры, увенчанной фельдмаршальским званием и княжеским титулом. И ранняя смерть от ранений и недугов...

Замечательный человек, патриот и полководец Михаил Богданович Барклай де Толли прожил славную, но нелегкую жизнь, оставав-

ясь верен себе. К нему, как к никому другому, подходят слова великого Суворова: «Будь терпелив в делах военных, не поддавайся унынию от неудач»¹⁷.

Князь Петр Иванович Багратион (1765–1812), генерал от инfanterii, потомок древнего рода царей Грузии, сражаясь с горцами Кавказа, вступил на воинскую стезю, мужал под стенами Очакова в 1788 г. В польской кампании 1794 г. отличился лихими кавалерийскими атаками, особенно при штурме укреплений предместья Варшавы. Обратив на себя внимание А. В. Суворова, Петр Иванович скоро становится его любимцем. Их особенно сблизил Итальянский поход, где Багратион, командуя авангардом, уловил способ действий фельдмаршала и, мгновенно реагируя на его указания, стремительно атаковал французов, применяя маневр. В Швейцарском походе, возглавляя то авангард, то арьергард российских войск, личным примером увлекал солдат, побуждал их к невиданным подвигам. Суворов ласково называл его «князь Пётра» и считал «отличнейшим генералом»¹⁸.

Новые лавры Багратион снискал в кампании 1805 г. Во время Кутузовского марш-маневра он, назначенный командовать арьергардом и встретить наполеоновские войска у Шенграбена, поклялся «аннибаловскою клятвою устоять, не выдать». Во исполнение обещанного, сдерживал атаки французов и в критический момент боя лично возглавил атаку 6-го егерского полка¹⁹. Под Аустерлицем прикрывал отступление потерпевшей поражение армии. В 1806–1807 гг., снова начальствуя то авангардом, то арьергардом, прославился в сражениях у Прейсиш-Эцлау и Фридланде, воодушевляя солдат со знаменем в руках, обнажив шпагу, вел московских grenадer. В 1808 г. получив распоряжение вести колонну через скованный льдом Ботнический залив, ответил по-суворовски: «Прикажете — пойдем!»²⁰

В боях против французов и шведов сложились непростые отношения Багратиона с Барклаем: причудливая смесь добрых чувств, справедливых оценок и соперничества, впоследствии переросшего в неприязнь.

С августа 1809-го по март 1810 г. Петр Иванович командовал Молдавской армией, с суворовской быстротой и решительностью нанося удары османцам, взял Мачин, Гирово, Измаил (!), Браилов, громил врага под Россеватом и у Таторицы.

Эти победы сделали Багратиона национальным героем. В народе его, как и Кутузова, счи-

тали продолжателем дела великого Суворова. Вдохновленный народной любовью, верный памяти своего учителя, князь Петр разрабатывал наступательный план войны с Наполеоном, предусматривавший разбитие неприятеля между Вислой и Одером, дальнейшее наступление, в союзе с Прусским королевством, при нейтрализации Австрийской империи²¹. В первый месяц Отечественной войны 1812 г., командуя 2-й западной армией, Багратион — поборник наступательных действий, умело совершал стратегическое отступление, нанося удары по наседающему врагу. В это время его неприязнь к Барклай достигла апогея.

В роковой день Бородина П. И. Багратион и его генералы, во главе вверенных им частей и соединений, выдержали основной натиск армии Наполеона, неоднократно атакуя. Характерно, что возглавивший контр-атаку, тяжело раненный в ногу Петр Иванович вспомнил о М. И. Барклай де Толли, прося передать последнему, что судьба сражения теперь в его руках²².

Храбрость, воинский талант, беззаветная преданность государю и Отечеству объединили этих таких разных людей. Была у них еще одна общая черта — благородство. В 1799 г. Багратион великодушно уступил общее командование младшему в чине генералу Лузиняну, а в 1813 г. — Барклай де Толли беспрекословно подчинился Витгенштейну, который был моложе его в чинах.

К самому же Петру Ивановичу, умершему вскоре после Бородинской битвы от заражения крови, в полной мере следует отнести суворовские принципы: «Операцию веди быстро», «Всего лучше атаковать и застать врасплох», «Атакуя, внушаешь страх»²³.

Яков Петрович Кульnev (1763–1812), генерал-майор, любимец Суворова и своих солдат, человек исключительной храбрости, доброты и честности, впервые отличился при взятии Бендер в годы т. н. 2-й русско-турецкой вой-

ны. В 1791 г., желая принять участие в борьбе с польскими повстанцами, перевелся в Переяславский конно-егерский полк. Показал образцы доблести в делах под Вильно, Кобрином, Брест-Литовском, при штурме Праги (предместья Варшавы) на глазах самого А. В. Суворова. Великий полководец был другом семьи Кульневых, переписывался с матерью нашего героя. Не удивительно, что Яков Петрович боготворил Суворова и говорил о нем с восторгом. «Признаюсь, что дорого мне стоит последняя кампания, но так можно изучить великие уроки, кои имел я счастье получить, будучи свидетелем славы доблести нашего Суворова», — писал он отцу²⁴.

Первым бросаясь в бой, получая тяжелые раны, Кульnev отличался простотой личной жизни, заботой о солдатах, беспощадностью в сражении и гуманным отношением к мирным жителям и пленным. Не трудно заметить, что своим примером он избрал великого Суворова. Подражание последнему доходило до сознательных чудачеств, эксцентрических выходок. Чего стоит вступление в бой прямо с постели, верхом на лошади, не сняв ночного колпака.

В кампаниях 1807, 1808–1809 гг. Кульnev упрочил свою славу лихого кавалерийского командира: в сражении при Фридланде, в ледянном походе через Ботнический залив²⁵.

Характерен приказ вверенному ему отряду на переход по льду к шведскому берегу: «Бог с Вами, я перед вами, князь Багратион за вами... Море не страшно тому, кто уповаает на Бога!» И по стилю, и по содержанию это прямое наследование суворовских обращений к войскам.

В 1810 г. Кульnev, начальствуя над авангардом Молдавской армии, перешел Дунай, громил неприятеля под Измаилом, Батином, Никополем, Рущуком.

В начале Отечественной войны 1812 г. Яков Петрович находился в авангарде, затем в арь-

ергарде корпуса П. Х. Витгенштейна, прикрывавшего Санкт-Петербургское направление. 3 июля стремительной атакой егерского и казачьих полков он обратил в бегство противника, принудив вражеский корпус к отступлению. Своей тактикой Я. П. Кульев подтверждал мысли Суворова о том, что «...Кавалерия хорошо рубить будет... Конница... руби, коли, гони, отрезывай, не упускай!»

В жарком четырехдневном сражении при Клястицах 20 мая 1812 г. Кульев, увлекшись атакой, во избежание окружения был вынужден отходить — пешим со стрелками! Вражеское ядро оторвало ему ноги. Умирающий герой обратился к товарищам: «Друзья! Не уступите ни шага родной земли. Победа Вас ожидает». Это про него, не ведая грядущих свершений, но предвидя их, гениальный Суворов сказал: «...дерись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет»²⁶.

Граф Матвей Иванович Платов (1751–1818), атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, получил офицерское звание в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. В 20 лет уже командовал казачьим полком. 3 апреля 1774 г.

отразил атаку татарской конницы устроением каре, усиленного телегами с наваленными на них мешками с мукой, чем показал знание боевых традиций казаков. Далее, М. И. Платов участвовал в борьбе с повстанцами Е. Пугачева. В 1782 г. Матвей Иванович сражался под началом А. В. Суворова с османцами и ногайцами в Крыму и на Кубани. Участие в штурме Очакова и в сражении при Каушанах завершило его знакомство с особенностями европейской военной тактики. 1789 г. отряд под командованием М. И. Платова взял крепость Аккерман.

Важнейшим событием в судьбе Платова стал знаменитый штурм Измаила 11 декабря

1790 г. На военном совете под председательством А. В. Суворова самый молодой его участник бригадир М. И. Платов, выступавший по обычью первым, решительно высказался за штурм османской твердыни. Этот факт вошел в научные, научно-популярные издания, стал широко известным благодаря художественным произведениям советской эпохи. Гораздо важнее другое. В измаильском приступе Платов использовал опыт борьбы с османцами, полученный в Очаковской эпопее (атака — отражение вылазки — помочь соседу — личный пример командира подчиненным).

Об этом красноречиво свидетельствуют строки суворовского рапорта о взятии Измаила: «...мужеством и подвигами которого [Платова] распространение поверхностью оружия и овладение бастионом... способствовало колонне генерал-майора Арсеньева... Вылазку, сделанную с Бендерских ворот, опрокинув, был он, Платов, сам повсюду примером храбости»²⁷.

В недолгие, но памятные всем нашим героям времена правления Павла I Матвей Иванович успел возглавить Персидский поход, подвергнуться опале и быть заключенным в Петропавловскую крепость... С открытием военных действий против Наполеона в 1807 г. казаки Платова отличились в делах под Прейсиш-Эйлау и Фридландом, всем видом своим и боевыми приемами вселяя ужас во врагов. В войне с османцами М. И. Платов отличился, заняв Герово для наведения мостов через Дунай, и при осаде Силистрии, и в других сражениях. Но, без сомнения, пиком военной деятельности его является 1812 г. Командуя «летучим корпусом» в 1-й Западной армии Барклай де Толли, Платов от разведчиков первым узнал о переправе Наполеона через Неман, разбил вражескую кавалерию под Миром, ведя манев-

ренную войну, пробился из окружения, передав важнейшую информацию, о намерениях французских маршалов блокировать армию Багратиона. Этим Матвей Иванович обеспечил спасение 2-й армии и соединение российских сил под Смоленском.

В Бородинском сражении, кавалерийский рейд Платова и Уварова по вражеским тылам явился неожиданностью для Наполеона. Благодаря этому блестяще исполненному отвлекающему маневру, главный резерв французов — гвардия не была введена в действие.

Во время нахождения неприятеля в Москве, его отступления и бегства из пределов Российской империи казаки стали настоящим кошмаром для врагов, подтверждая давнее суворовское: «Казаки ловят бегущих и весь их багаж... Не упускать ни одного, на то казаки!»²⁸ Не удивительно, что они пользовались народной любовью, став героями художественных полотен, лубочных картинок, литературных произведений. Казаки настолько поразили население Европы своим колоритным видом, образом действий и манерами, что и сегодня, два века спустя, в европейской культуре часто ставят знак равенства между понятиями «русский» и «казак».

Возвещенный в графское достоинство, обласканый императором и двором, почитаемый всей Россией, окончил свои дни «Вихорь-атаман», подтвердивший ратными делами убежденность своего старого командира: «Казаки везде пролезут... их быстрота довершает победу»²⁹.

Граф Александр Федорович (Луи Александр) де Ланжерон (1763–1832), генерал от инфантерии, видный русский военный деятель, начал службу в рядах французской королевской армии, принимал участие в борьбе

за независимость английских колоний в Северной Америке. Вступив в российскую военную службу в качестве волонтера, участвовал в войне со шведами, отличился в Выборгском сражении³⁰.

В конце 1790 г., уже под стенами Измаильской твердыни в отряде И. де Рибаса, в колонне Арсеньева, во главе батальона Лифляндского егерского корпуса видели «...полковника французской службы и кавалера графа Ланжерона», проявившего храбрость и получившего контузию. За это Александр Федорович удостоился похвалы начальника отряда И. де Рибаса и был отмечен А. В. Суворовым в рапорте о штурме Измаила. Воспоминания Ланжерона о гениально организованном и проведенном штурме крепости, воинском героизме и о жестокостях, благодаря бытоискателям XIX – нач. XX вв., стали частью т. н. одесского мифа³¹.

Ланжерон, принятый в русское подданство и получивший титул графа Российской империи, в правление Павла I вместе со своим соотечественником, товарищем по измаильскому делу Э. де Ришелье в 1792–1793 гг. находился в рядах роялистов, под предводительством принца Конде выступавших против революционной Франции.

В несчастливом для новой родины Аустерлицком сражении Ланжерон командовал колонной. В начале русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он, снова под Измаилом, отразил вылазку османцев, захватил два знамени и два орудия. Характер военных действий не мог не напомнить графу памятный декабрь 1790 г.

Славные победы под Журжей, Силистрией, Рущуком демонстрируют военное мастерство Александра Федоровича. Он поддержал свою репутацию, командуя Молдавской армией до прибытия М. И. Кутузова. Он был деятель-

М. И. Платов

ным помощником последнего, начальствуя над войсками на левом берегу Дуная — при окружении вражеских сил во главе с великим визирем под Слободзеей. Военный министр М. Б. Барклай де Толли 17 августа 1811 г. известил графа о «...Высочайшем пожаловании алмазной шпаги за отличие в кампании 1811 г. против турок». Эта шпага до 1917 г. хранилась в музее Императорского Одесского общества истории и древностей...³²

В Отечественную войну Ланжерон во главе корпуса 3-й армии участвовал в сражении при Борисове в ноябре 1812 г. Он не раз отличался во время заграничного похода российской армии 1813–1814 гг.: при взятии Торна занял господствующие высоты, в сражении при Бауцене сосредоточил артиллерию против атакующего врага, подтвердив знаменитое суворовское: «Армия, стоящая на месте, открывает действия пушками». Ланжерону, единственному из союзных генералов, удалось атакой прорвать боевые порядки французов под Шенфельдом. Вспомним в этой связи другое изречение Александра Васильевича: «Колонна та гибче всех построениеев, быстра в движении, ежели без остановки, то все пробивает»³³.

Действия А. Ф. Ланжерона в «Битве народов» при Лейпциге не были забыты. В собрании нашего музея хранится письмо от принца Карла-Иоанна, посланное 6 января 1814 г. из штаб-квартиры шведской армии в Кале. В нем говорится о награждении Александра Федоровича Военным Орденом Меча. Знак этого ордена, предположительно, находится в фондах Одесского историко-краеведческого музея³⁴.

Далее следовали дела под Краоном, Лаоном, Фер-Шампенузом, овладение высотами Монмартра во время штурма Парижа 18 мая 1814 г.

Всего в бурной боевой жизни Ланжерона было 19 кампаний. В качестве преемника

Э. И. де Ришеље в управлении Новороссийским краем он хотя и без энтузиазма, но успешно следовал курсу своего талантливого предшественника и друга.

Александр Федорович был хладнокровен и тверд в минуты опасности, сохраняя при этом веселость нрава, добр и ласков в обращении с подчиненными. Обладая литераторскими способностями, он оставил воспоминания с пристрастными отзывами о современниках. В них перед читателями и Суворов — «...один из самых необыкновенных людей своего века... великий полководец и великий политик... знающий в совершенстве дух своего народа и являющийся действительно наиболее соответствующим этому духу генералом». Сам же автор этих строк, завершивший жизненный путь в Одессе и покоящийся в нашем городе А. Ф. де Ланжерон, имя которого увековечено не только в топонимике, но и в культурной традиции «Южной Пальмиры», вполне соответствует крылатому суворовскому выражению «Без добродетели нет ни славы, ни чести!»³⁵

Герцог Эммануил Иосифович (Арман Эммануэль) дю Плесси де Ришеље и де Фронсак (1766–1822), генерал-лейтенант, еще

при жизни широко известный как «дюк» (французское duc (герцог) написанное русскими буквами, употреблялось в официальных, российских документах), представитель знаменитого аристократического рода, умножил славу предков своими деяниями в Причерноморском крае. Он надел мундир подпоручика драгунского полка в 1784 г. Тяготясь праздной жизнью при дворе Людовика XVI, Ришеље просил разрешения участвовать на стороне Российской империи в войне с османцами, начавшейся в 1787 г. Начало Великой французской революции побудило его покинуть родину. Находясь в Вене и узнав о готовящемся штурме Измаила, он вместе с

Ланжероном и Линем волонтером отправился в русскую армию. В составе отряда О. М. де Рибаса Э. И. де Ришелье (тогда — де Фронсак) штурмовал крепость со стороны Дуная, «...следовал везде с отличною храбростью»³⁶.

Гордясь оценкой великого полководца, Ришелье, в свою очередь, проникся к нему огромным уважением, с большой теплотой запечатлел образ Суворова в своем дневнике. Не меньшее восхищение вызвали у него русские солдаты — мужественные, выносливые, обыкновенно бодрые и веселые. Молодой французский аристократ обратил внимание именно на те качества российских воинов, которые, вместе с суворовской наукой побеждать, определили исход борьбы с Наполеоном.

Вместе с тем «дюк-Фронсак» был потрясен жестокостью войны. Сцены насилия во время военных будней, кровавые драмы при взятии Измаила вызвали у него желание противодействия³⁷. Можно сказать, что Эммануил Иосифович проявил себя при Измаиле как храбрец, человек чести и долга и гуманист, предпочитающий созидание разрушению. Эти качества в полной мере проявились в последующие годы. Не разделявший настроения рьяных роялистов, жаждущих отмщения и крови, но верный королю, Ришелье принял участие в борьбе принца Конде против республиканцев в 1792–1794 гг. После крушения планов сторонников монархии он возвращается в Россию, где сближается с наследником престола Александром Павловичем. Войдя в число «молодых друзей» Александра I, Э. И. де Ришелье вскоре получил ответственные посты в стратегически важном регионе Российской империи: в 1803 г. — градоначальника Одессы, а в 1805 г. — управителя Новороссийского края. Всесело поглощенный многотрудной деятельностью в «полуденных краях империи»,

он по должности и по положению принимал активное участие в решении внешнеполитических задач. В 1806 г. в Одессе состоялся Высший совет, определивший действия против враждебной Османской империи. Имея чин генерал-лейтенанта, во главе дивизии Ришелье, действуя на левом фланге Молдавской армии, перешел Днестр, принудил к капитуляции гарнизон Аккермана, овладел Килиею и двинулся к памятному для него Измаилу. Но вследствие болезни, ему пришлось сдать командование Ланжерону и возвратиться в Одессу³⁸.

1807–1808 гг. для Ришелье озnamеновались инспекцией Кубанской военной линии, где происходили непрерывные стычки черноморских казаков и гарнизонов крепостей с непримиримыми горцами, естественными союзниками Османской империи, и взятием Анапы. В 1810 г. дюк предложил план продовольственной блокады Стамбула, путем прекращения российской торговли хлебом на Черном море. Одобренный Александром I план, однако, не сработал, т. к. османцы стали снабжать свою столицу зерном из Египта, Италии и

других районов Средиземноморья. Убедившись в бессмысленности блокады, Эммануил Иосифович попросил императора отменить запрет и возобновить хлебную торговлю, столь необходимую для развития Новороссийского края.

Ришелье не только был в курсе напряженной дипломатической борьбы за подписание Бухарестского мирного договора 1812 г., но и принимал в ней активное участие, содействуя сбору агентурных данных о положении в Османской империи, настроениях в правящих кругах и передачи их российским государственным деятелям³⁹.

Его самоотверженная ратная, дипломатическая и административная деятельность этих лет отражала стратегическую значимость Причерноморских областей Российской империи, ясно выраженную еще великим Суворовым в военном плане 1793 г. Эта значимость еще более возросла с началом наполеоновского вторжения. Э. И. де Ришелье внимательно следил за положением дел в Европе и был в курсе военного планирования борьбы с Бонапартом⁴⁰. Командуя 19 тысячами человек в регионе, где лишь недавно завершились военные действия, он принял энергичные меры для организации патриотического подъема в крае и участия его жителей в защите Отечества. На одесское общество и население Новороссии произвели большое впечатление пожертвование им огромной по тем временам суммы денег — всего своего состояния в 40 000 рублей и деятельная организация народного ополчения, во главе которого дюк собирался выступить к театру военных действий. Но более всего потрясли и вдохновили слова Ришелье — французского эмигранта, произнесенные им 22 июля при оглашении Манифеста о начале Отечественной войны: «Для блага нового отечества я жертвовал и жертвую всем. Покажите и вы единодушно в нынешний день, что вы истинные россияне — и я не буду ожидать лестнейшей награды за попечения, которые имел от Вас»⁴¹.

Угроза вторжения неприятеля в южные районы империи, явившиеся ее житницей, сохранилась до глубокой осени, о чем свидетельствует письмо на имя Ришелье главнокомандующего российской армии Голенищева-Кутузова, о котором упоминалось выше.

Эммануилу Иосифовичу, образно говоря, пришлось держать руку на эфесе шпаги, борясь с другим, не менее страшным врагом — чумой. В этой борьбе он показал мужество не меньшее, чем на поле брани, вселяя надежду в сердца окружавших его людей. Примечательно, что меры, употребляемые Ришелье для локализации очагов эпидемии соответствовали требованиям Суворова по поддержанию санитарного состояния в войсках⁴².

Судьба определила Эммануилу Иосифовичу еще 10 лет жизни, в течение которых он принял активное участие в умиротворении Европы, очищенной от наполеоновских полчищ, и возрождении своей старой родины.

Горячо любимого и по сей день в Одессе и Причерноморском крае дюка не принято увязывать с военным поприщем, и мало кому придет в голову мысль соотносить его с Гением русского военного искусства. Между тем у Суворова и Ришелье много общего — верность государю, любовь к подчиненным и умение воодушевлять их, скромность и непрятязательность в личной жизни, и потребность непрестанного служения Отечеству на пределе душевных и физических сил. Вот почему деятельность Э. И. де Ришелье следует оценить словами А. В. Суворова: «Истинная слава не может быть отыскана. Она происходит из самопожертвования на пользу блага общего»⁴³.

В равной степени это относится к каждому из упомянутых в настоящей статье российских военных и государственных деятелей, спасших Отечество в грозу двенадцатого года и подтвердивших пророческие слова великого Суворова: «Войска, обученные по моей методике, будут победительны и без меня»⁴⁴.

- ¹ Александр Васильевич Суворов. Исследование генерал-майора А. Г. Елганинова // История русской армии. Современная версия. — М., 2007. — С. 153.
- ² А. В. Суворов. Походы и сражения в письмах и записках. — М., 1990. — С. 368; ОИКМ. — Инв. № Д-4; Отечественная война и русской общества. 1812—1912. — М., 1912. — Т. 1. — С. 134.
- ³ А. В. Суворов. Походы... — С. 23.; О долге и чести воинской в Российской армии. Собрание материалов, документов и статей. — М., 1990. — С. 44.
- ⁴ Певец во стане русских воинов. Русские писатели — участники и современники Отечественной войны 1812 года. — М., 1987. — С. 166; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1956. — Т. 4. — С. 93, 119.
- ⁵ Корх А. С. Михаил Илларионович Кутузов. — М., 1989. — С. 2—5.
- ⁶ Там же. — С. 26.
- ⁷ О долгे и чести... — С. 63.
- ⁸ ГАОО. — Ф. 1. — Оп. 219. — Д. 5. — Л. 101.
- ⁹ Корх А. С. Михаил... — С. 90.
- ¹⁰ А. В. Суворов. Походы... — С. 128—129.
- ¹¹ Балаязин В. Н. Фельдмаршал Михаил Богданович Барклай-де-Толли. Жизнь и полководческая деятельность. — М., 1990. — С. 28—30, 42—44.
- ¹² Там же. — С. 122, 124, 130, 276.
- ¹³ Там же. — С. 111.
- ¹⁴ Там же. — С. 131—148; Третьяк А. От основания. Исторические очерки. — Одесса, 2008. — С. 126, 176—178.
- ¹⁵ Балаязин В. Н. Фельдмаршал... — С. 154, 172—174.
- ¹⁶ Корх А. С. Михаил... — С. 41.
- ¹⁷ А. В. Суворов. Походы... — С. 128—129.
- ¹⁸ Военная энциклопедия. — П.-М., 1911. — Т. 4. — С. 328; Корх А. С. Александр Васильевич Суворов. — М., 1988. — С. 48.
- ¹⁹ Военная энциклопедия... — С. 329.
- ²⁰ Там же. — С. 330.
- ²¹ Балаязин В. Н. Фельдмаршал... — С. 134.
- ²² Там же. — С. 195.
- ²³ А. В. Суворов. Походы... — С. 382.
- ²⁴ Военная энциклопедия... — Т. 14. — С. 389.
- ²⁵ Там же. — С. 391.
- ²⁶ А. В. Суворов. Походы... — С. 128—129, 368, 376; Военная энциклопедия... — С. 391.
- ²⁷ А. В. Суворов. Походы... — С. 299.
- ²⁸ Там же. — С. 362, 382.
- ²⁹ Там же. — С. 370.
- ³⁰ Балаязин В. Н. Фельдмаршал... — С. 110—111.
- ³¹ А. В. Суворов. Походы... — С. 319; де-Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. — Одесса, 1913. — С. 21—24; Скальковский А. А. Первое тридцатилетие истории города Одессы. 1793—1823. — Одесса, 1837. — С. 225—227.
- ³² Военная энциклопедия... — С. 496—497; ОИКМ. — Инв. № Д-684/г; Озерянская И. М. Оружие Одесского историко-краеведческого музея. История формирования коллекции // Музей. Історія. Одеса. Збірник тез, доповідей та повідомлень Другої науково-практичної конференції, присвяченої 45-річчю Одеського історико-краеведческого музею. — Одеса, 2001. — С. 70.
- ³³ А. В. Суворов. Походы... — С. 11.
- ³⁴ Корпусова И. В. Знак Шведского Военного ордена Меча из собрания Одесского историко-краеведческого музея // Музей. Історія. Одеса... — С. 82—83.
- ³⁵ А. В. Суворов. Походы... — С. 128—129; Суворов А. В. Наука побеждать. — М., 2011. — С. 362.
- ³⁶ А. В. Суворов. Походы... — С. 321.
- ³⁷ Дружинина Е. И. Южная Украина в 1800—1825 гг. — М., 1970. — С. 190—193; де-Рибас А. Старая... — С. 21—25.
- ³⁸ Скальковский А. А. Первое... — С. 116—118, 153; де-Рибас А. Старая... — С. 25—26.
- ³⁹ Скальковский А. А. Первое... — С. 153, 157—158, 171, 176—177; Третьяк А. От основания... — С. 128—131, 152, 180.
- ⁴⁰ Третьяк А. От основания... — С. 176—181.
- ⁴¹ Скальковский А. А. Первое... — С. 186—193; Балаязин В. Н. Фельдмаршал... — С. 135—136; Дружинина Е. И. Южная... — С. 199.
- ⁴² А. В. Суворов. Походы... — С. 129, 138, 370—371; Скальковский А. А. Первое... — С. 198—210.
- ⁴³ А. В. Суворов. Походы... — С. 320—321.
- ⁴⁴ Там же. — С. 30.